

СОБОРНОСТЬ – КОНСТАНТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

© 2008 г.

А.Ф. Пестрецов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

alexis_83@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2008

Соборность является неотъемлемой чертой русского национального самосознания. Ее свойства отчетливо видны в различных аспектах отечественной культуры, на всем протяжении российской истории. В статье анализируется понятие соборности, определяемое не только мыслителями прошлых веков, но и современными исследователями. При этом изучается славянофильское понимание этого явления культуры, представленное трудами А.С. Хомякова. Особое внимание уделяется воплощению соборности в социальной сфере.

Ключевые слова: соборность, русское национальное самосознание, крестьянская община.

Исследовать русское национальное самосознание чрезвычайно трудно. Этому имеется множество причин. От неясности границ самого феномена до споров о том, что же такое «русскость». Существует ли она вообще и чем определяется? И наконец, русские – родство по крови или общность культуры? Список вопросов и полярных позиций можно продолжать долго. Рамки данного исследования не позволяют ответить на все имеющиеся вопросы.

Такая постановка исследовательской задачи требует, прежде всего, понимания непрерывности развития русского самосознания, несмотря на все исторические и культурные изменения, сопровождавшие каждую эпоху. Своеобразие каждого периода нашего прошлого заставляет некоторых исследователей вообще отказаться от употребления такого понятия, как «русское национальное самосознание». Потому, например, что не существует единого русского самосознания, может быть лишь самосознание отдельных народов России, социальных групп. Основной вывод – не бывает общего самосознания у людей с разным мировоззрением.

Попробуем оспорить названную позицию. Как бы ни противопоставляли себя друг другу различные деятели, все равно они воспитаны в традициях и ценностях одной культуры. И если приподняться над предметом их споров, то всегда найдется некое общее основание, которое и породило саму тему для разногласий. Например, принято сравнивать идеологию «западников» и «славянофилов», выводить противоположные позиции, причислять к различным лагерям. Однако оба эти течения

русской общественной мысли XIX века ученые причисляют к либеральному направлению. Итак, приверженность людей одной эпохи и культуры к противоположным мировоззренческим, идеологическим взглядам еще не отвергает у них общих констант, специфики их национального самосознания. Даже выделение Н.А. Бердяевым «пяти разных России» в истории нашего отечества не может утверждать обратного. Способен ли народ сохранять свое существование в прежнем качестве, не имея для этого самосознания, которое, в свою очередь, опирается на культуру народа? А культура сама по себе и есть выражение жизни нации.

Совершенно справедливо возражение, что русское национальное самосознание не представляет собой чего-то цельного и завершенного. Однако его история и философское осмысление отечественными и зарубежными мыслителями заставляют предположить наличие общих констант или оснований, обнаруживающих себя в каждый исторический период жизни нашего народа. Безусловно, каждый период русской, российской, советской и снова российской истории очень самобытен, порой опровергает предыдущий. Тем не менее, очевиден единый фундамент, позволяющий понимать все названные выше периоды как периоды истории и культуры одного народа. В этой статье речь пойдет о соборности как одной из констант русского национального самосознания.

Понятие соборности

Нужно сказать, что соборность – это какое-то особое слово для русского человека. Даже если сделать скидку на моду, всё равно – от кого только не услышишь о соборности и каких

только соборов не созывалось за последние годы. Например, о соборности говорили на III Всемирном Русском Народном Соборе в декабре 1995 года.

«Применительно к рабочему движению и профсоюзам соборность преломляется в слово «солидарность», и эти слова как бы идут друг за другом» (председатель Федерации профсоюзов М.В. Шмаков). «Коллективизм и соборность, на наш взгляд, – это способ совместного проживания в деревне» (председатель Аграрной партии М.И. Лапшин) [5]. А вот что писал о соборности Л.Н. Гумилев: «В Евразии политическая культура выработала свое оригинальное видение путей и целей развития. Евразийские народы строили общую государственность, исходя из первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. Таким образом обеспечивались и права отдельного человека. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно» [3].

Органическое единство общего и единичного нашло выражение в понятии соборности. Это центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки, даже на немецкий – самый всеобъемлющий по части философской терминологии.

Собор – это церковь, куда приходят все вместе, следуют общему ритуалу, но каждый остается самим собой, возносит к Богу свою персональную молитву. Другое значение слова собор – собрание, церковный съезд; немецкий эквивалент – *das Konzil*. На этом основании С. Франк предложил соборный переводить как *Konziliarisch*. Л.Карсавин возражал, отмечая, что соборный не означает «признающий соборы как высший авторитет», карсавинский перевод – *symphonisch* («соборность – это симфония, гармоническая согласованность, всеединство»).

Почти все русские философы так или иначе касались проблемы соборности, по-своему её понимая и истолковывая: то как «всеединство» у Вл. Соловьёва, то у С.Л. Франка – как «внутреннее органическое единство, лежащее в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей» [7]. Первичной и основной формой соборности Франк считал единство брачно-семейное, затем видел её проявления в религиозной жизни, и наконец – в «общности судьбы и жизни всякого объединения множества людей». П.А. Флоренский подчеркивал, что «русское церковное словоупотребление и русское богословие употребляют слово «соборность» в

таком обширном смысле, какого оно не имеет в других языках, причем оно выражает собою самую силу и дух православной церковности» [1].

Современный философ В.Н. Сагатовский пишет о соборности следующее: «Соборность – этим словом можно предельно кратко выразить сущность русской идеи... Разумеется, для более полного раскрытия русской идеи потребуются и другие ценности и понятия. Но все они так или иначе вытекают из соборности, конкретизируют ее, являются разверткой богатейшего содержания этой первоначальной интуиции русского духа. Соборность является его первой характеристикой исторически, логически, мировоззренчески. Исторически – поскольку это первое понятие русской идеалистической философии, явившееся в трудах А.С. Хомякова результатом осмысления одноименной фундаментальной ценности Православия. Логически – поскольку является основополагающей категорией русской философии. Мировоззренчески – поскольку содержит в себе основной принцип отношения к миру, выражающий существо русской ментальности» [4].

Соборность – слияние индивидуального и социального. Это общее, которое включает в себя богатство особенного и единичного. В немецкой классической философии впервые поставлена проблема неформального общего (ведь это и есть суть соборности) как реальности абстрактной мысли. Шеллинг принадлежит идея системы категорий: понятие становится конкретным в философской системе, где каждая категория занимает строгое место и связь с целым позволяет определить понятие. А начало этой дискуссии было положено Кантом. В параграфе 77 «Критика способности суждения» речь идет о недостаточности средств формальной логики. Силами рассудка невозможно постичь органическое целое. В обычной логике частное отличается от всеобщего случайными признаками, а в организме эта связь необходима. Поэтому, утверждал Кант, можно представить себе «другой рассудок», который не дискурсивен, а интуитивен, который необходимо ведет к связи частей. Поэтому Кант противопоставляет обычный, дискурсивный рассудок интуитивному, божественному, которому известны прообразы вещей.

Соборность в русской философской мысли

Русская мысль перевела разговор в область этики и религии, подала соборность как интуитивную очевидность, веками

воспитанную православием в народе. Хомяков писал: «В вопросах веры нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора». По мысли Хомякова, соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви».

Русские мыслители были убеждены в том, что католицизм, критикуя протестантизм, не устоял перед противоположным соблазном и построил строго регламентированное христианство. По мнению Бердяева «соборность противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммунитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости». Однако не всякая общность людей получает статус соборного целого. Бердяев противопоставляет соборность коммунистической соборности, коллективизму, где личность подавляется в ущерб навязанной извне «общей воле». Соборное единство не означает подавления личности человека, здесь не характерно противопоставление человека и мира, наоборот, ориентация на их единство при сохранении взаимной самостоятельности и самооценности.

Соборность предполагала единое участие верующих в жизни мирской и церковной, коллективное жизнетворчество и коллективное спасение. «Соборность была направлена на сохранение традиции, что вполне соответствовало мировосприятию молодого народа, и поэтому нашла здесь благодатную почву» [6]. Соборность создавала модель такого поведения человека в обществе, которое опиралось на желание приблизиться к Богу за счет абсолютного духовного совершенства внутри общего православного мира. Соборность закрепляла как традицию русской культуры коллективизм.

Понимание соборности славянофилами

Учение о соборности становится важнейшей методологической установкой славянофильства при анализе прошлого и на-

стоящего России, при определении направления ее будущего развития. Наиболее адекватно выразить сочетание имманентного единства, основанного на свободе и любви, может, по мнению А.С. Хомякова, только понятие «соборный». Последнее подчеркивает не только внешнее, видимое соединение людей в каком-либо месте, но и постоянную возможность такого соединения, иными словами, это «единство во множестве». Для русского мыслителя слово «соборный» содержит в себе полное исповедание веры, и любая попытка заменить его другим термином означает отказ от православного понимания церкви.

Анализируя религиозные критерии соборности, А.С. Хомяков приходит к выводу, что они проистекают от «духа Божия», живущего в церкви и «умудряющего ее». Само проявление этого духа многообразно, он выступает «в писании, в предании и в деле». Следовательно, соборность является как «дар благодати, даруемый свыше» [10] – это внутреннее основание непогрешимости соборного сознания. Внешним же критерием соборности выступает принятие тех или иных религиозных положений всем церковным народом. Ярким примером подобного одобрения всей церковью религиозных истин были Вселенские соборы.

Никео-Константинопольский символ веры является для А.С. Хомякова основой правильного познания христианских истин. Философ особо подчеркивает, что церковные догматы недоступны мысли, находящейся в уединении. Они открываются лишь духовному единству христианского общества, то есть принимаются соборным сознанием и являются его свидетельством.

Догматы также не могут быть постигнуты рациональным мышлением, ибо «для отвлеченного мышления существование вообще недоступно» [8]. Поскольку соборные истины относятся именно к сущностным характеристикам духовного мира, то они как бы сверхразумны, являются следствием интуитивного познания. В то же время религиозная вера не сводится к этой одной стороне, она содержит «два начала, необходимо связанные друг с другом». Второе начало «определяет круг и предел человеческих знаний», оба они требуют развития: одно в быте частном и общественном, другое в форме наукообразной. Следовательно, христианское вероучение должно не только содержать интуитивные прозрения, но и выражаться в

форме логической. Более того, «поскольку догматы усваиваются людьми, живущими в различных исторических и социальных условиях, они, сохраняя свою неизменную сущность, меняются во внешнем выражении», сообразно «с развитием аналитического слововыражения и с характером умственных приемов каждой эпохи» [9]. Отсюда понятно, что церковь не может оставаться статичной в ходе исторического развития, она постоянно реформирует и внешнюю сторону вероучения, и даже обряды и правила.

Поскольку религиозный культ рассматривается как внешнее проявление внутреннего духа, постольку он строится на началах «соборности». Православное богослужение, по мнению славянофилов, обеспечивает реализацию на практике принципа «единства во множестве». Приобщаясь к религиозным обрядам и, прежде всего, к таинствам, верующий осознает, что он может спастись только вместе со всеми. Отсюда стремление к общению с другими членами православной общины, тяга к единству с ними. В то же время каждый член церкви может по-своему переживать религиозные действия, в силу этого в них присутствует и множественность.

Отсюда понятно, что одной из центральных проблем для А.С. Хомякова является вопрос о проявлении соборных начал в социальной сфере, или социологический аспект соборности. Соборность в обществе, как и в церкви, выступает итогом деятельности трансцендентного существа и человека. В силу этого соборное сознание играет роль как бы посредника между божественным и земным миром. У некоторых более поздних русских религиозных мыслителей, начиная с В. Соловьева, роль связующего звена между трансцендентным и земным начинает играть «София». В этом плане учение о соборности как бы предшествует софиологии. Рассматривая взаимоотношения сверхъестественного и человеческого, славянофилы подчеркивают активность обоих начал. Они отвергают трактовку личности как пассивного объекта, деятельность которого детерминирована исключительно потусторонним воздействием.

К соборным истинам в социальной сфере относятся не просто популярные в обществе идеи, а лишь те элементы народного сознания, которые основываются на «безусловных, не зависящих от внешних структур положениях, опирающихся на народную веру» [11]. Если они

соответствуют коренным, органическим началам той или иной нации.

Осуществление соборности в социальной сфере

При всей идеализации славянофилами русской крестьянской общины, они все же не выдавали желаемое за действительное, говоря, что эта община сочетает в себе два начала: хозяйственное и нравственное, а деятельность ее предстает как гармоническое сочетание личных и общественных интересов, а все члены общины выступают по отношению друг к другу как «товарищи и пайщики». Именно общинное начало русской жизни является практической реализацией соборных принципов в социальной сфере.

Например, среди обычаев, связанных непосредственно с трудовыми процессами, существенную роль в русской деревне играли так называемые помочи (помочь) или толока [2]. Помочи – это поочередная помощь всей общины всем общинникам в хозяйственных делах: пахоте, севе, жатве, они также широко применялись в других хозяйственных делах: вывозке навоза на паровые поля, разминании льна, прядении и пр. Такие помочи проводились многими (если не всеми) жителями последовательно у каждого из членов общины. Настоящий обычай был очень широко распространен территориально и очень устойчиво сохранялся в различных социальных ситуациях. Исследование этой формы коллективного труда во всех ее проявлениях не только проливает свет на ряд вопросов хозяйственной внутриобщинной жизни, но и несет информацию относительно системы этических традиций и некоторых древних обрядов.

«Мир» содержит потенции, которые могут формировать у его членов потребность в общественной деятельности, готовность постоять за общие интересы, патриотизм, честность и т.п. Притом возникновение подобных качеств происходит не сознательно, а «инстинктивно», путем следования древним религиозным обычаям и традициям. Подобное усвоение правил общежития является показателем жизнестойкости общества, его здоровья. Нравственный соборный климат общины противостоит в концепции славянофилов антагонизму «личного и общественного» в европейских странах.

Общину можно рассматривать как основной тип русской социальности. Синонимом слова «община» является слово «мир», и понятие «мир» было центральным в

сознании русских крестьян. Крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира». «Мир» – это автономная самодостаточная целостность. С правовой точки зрения он был административной единицей, с церковно-канонической – приходом; с точки зрения имущественного права, «мир», поскольку он распоряжался землей, являлся поземельной общиной.

Община не является специфически русским явлением, как полагали многие писатели XIX века. Поземельные общины, по типу похожие на русскую, существовали во многих местностях Ближнего и Среднего Востока как у христианских, так и мусульманских народов. Причем у некоторых христианских народов община была «миром» практически в том же смысле слова, что и у русских. Отличительной чертой русской общины являлось ее центральное место в самоидентификации подавляющего числа членов русского общества, и, следовательно, та значительная роль, которую община играла в общественной жизни в целом.

Община являлась очень гибким организмом, способным менять свои внешние формы и приспосабливаться к различным условиям. Но во всех случаях внутренняя сущность общины оставалась неизменной – она была самоуправляющимся «миром».

В древности «мир» занимал место государства, но и с ростом централизации «мир» в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался высшим авторитетом. Вплоть до последнего времени «мир» обладал определенными атрибутами государственности: самоуправление по установленному порядку, суд по «обычному праву», карательные функции (вплоть до ссылки по приговору схода), сохранение норм общественного быта и морали, целый ряд административных и культурных функций. «Мир» просили о заступничестве, к «миру» обращались с челобитной. «Мир» собирал подати (налоги) и выплачивал их государственным властям как дань. Во всех внешних контактах (с государством или с другими аналогичными «мирами») он выступал как единое целое и защищал каждого из своих членов от посягательств извне. Доходило до того, что еще в начале XIX века, в период Отечественной войны 1812 года, «мир» принимал на себя и оборонные функции. Организовывались деревенские отряды самообороны, которые защищали от врага

только землю, находящуюся в пользовании их общины.

Структура русского общества еще в XV веке, а на Севере вплоть до XVII века, представляла собой федерацию «миров» на основе общих экономических и военно-стратегических интересов при полной автономии каждого конкретного «мира». «Мир» в этот период не был структурой, присущей только лишь крестьянству. В него входили члены различных сословий, проживающие на данной территории. «Миром» был и город, и улица, и городской «конец» (район города). «Миры» каждого конкретного региона объединялись в земство, а земство уже входило в состав Московского государства. Эта модель очень долго воспринималась как нормативная, вне зависимости от того, насколько она воплощалась практически. Само государство, с этой точки зрения, понималось как система, объединяющая многочисленные «миры». Россия оказывалась в восприятии народа большой общиной.

Заключение

Парадокс русской соборности заключается в ее инверсии, то есть переходе от одного крайнего состояния в другое: от единства (согласия) к своеволию (нетерпимости). Поэтому соборность может проявляться не только в единстве и согласии, но и охлократизме, нетерпимости, склонности к насилию по отношению к «не нашим», укрывшись за «мы».

Соборность проявляется в любви как отказе от всего «своего», от самого себя ради других, в свободной жертве, в самоотдаче. В этом плане истинная любовь является отрицанием свободы как эгоистического самоутверждения личности. В российской соборности обнаруживается вторичная ценность свободы (в контексте самоутверждения) по сравнению с равенством и справедливостью, а также тяготение к охлократическому толкованию свободы как воли. Поэтому в контексте соборности общественное принуждение существует не только благодаря насилию, оно является следствием неготовности людей к свободе, сопряженной с ответственностью.

Русские склонны к формальной свободе произвола (своеволию), которая является оборотной стороной подчинения или рабства. Русский человек скорее предпочтет государственность, а не политическую свободу, и в этом он – не раб, а патриот. Российская соборность есть не только растворение «я» в

«мы», но и такая социальная ориентированность (общинность), которая проявляется в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью.

Безусловно, соборность в иллюстрации русских философов и славянофилов – идеальная величина. Полностью осуществить в конкретном обществе и в настоящее время её основные идеи невозможно. Тем не менее, принцип соборности, сформулированный отечественными мыслителями, прослеживается на всех этапах нашей истории и культуры, является основным при изучении русского национального самосознания.

Список литературы

1. Богословские труды. Сб. 12. М., 1997. С. 129.
2. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX в. М., 1988. 270 с.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 255.
4. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994. С. 104.
5. Третий Всемирный Русский Народный Собор. Россия и русские на пороге XXI века. М., 1996. С. 3, 191.
6. Троицкий Е.С. Что такое русская соборность? М., 1993. С. 14.
7. Франк С.Л. Духовные основы общества. М. 1992. С. 58.
8. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1908. Т. 8. С. 123.
9. Хомяков А.С. Там же. С. 130.

SOBORNOST AS A CONSTANT VALUE IN RUSSIAN NATIONAL MORAL*A.F. Pestretsov*

Sobornost (collegiality) is an integral part of Russian national moral. Throughout the whole period of the Russian history this phenomenon distinctly shows itself in various aspects of the Russian culture. The article analyses the notion of Sobornost as it was understood not only by the philosophers of the past but also of the present-day thinkers. It dwells upon Slavophile understanding of this phenomenon given in the works by A.S. Khomyakov. The author of the article pays special attention to Sobornost rendering in the social sphere.

10. Хомяков А.С. Церковь одна. М.: ГПИБ, 1991. С. 15.

11. Шапошников Л.Е. Философия соборности. СПб., 1996. С. 24.